

Ответ Ка Лэ не стал для Дун Цзиня неожиданностью. Но его невозмутимое лицо и ровный тон изрядно удивили — учитывая, что всего несколько минут назад Дун Цзинь едва не отправил его на тот свет.

А началось всё два часа назад, с двух телефонных звонков из гостиничного номера.

В первом разговоре Дун Цзинь с улыбкой в голосе сообщил Ка Лэ, что подготовил в зале небольшой сюрприз — прелюдию к грядущему празднеству. И если тому интересно, пусть придёт полюбоваться увертюрой.

Один решился предложить, другой — принять. Аномалия на том конце провода даже не стала задавать вопросов, просто согласившись, словно так и должно быть.

Второй звонок предназначался До Гэ — Дун Цзинь поручил ему хаотично разместить взрывные устройства по всему залу и надёжно запереть двери снаружи.

Именно поэтому негодяи теперь не могли выбраться.

Дун Цзинь не отрицал — в момент, когда отдавал приказ о бомбах, мелькнула мысль использовать случай и уничтожить Ка Лэ.

Разве не сам Ка Лэ говорил, что действия с умыслом — не искусство?

Что ж, случайно заложенные бомбы, случайные взрывы — чем не воплощение его

представлений об искусстве? Идеальный способ проводить божество в последний путь.

Дун Цзинь славился тем, что претворял замыслы в жизнь немедленно. Едва мысль оформилась — он действовал.

Когда "Око истины" показало, что одна из бомб притаилась у рояля, он без колебаний нажал на детонатор.

Хорошая новость: из четырёх нажатий одно действительно активировало нужное устройство.

Плохая: заряд оказался слабоват, а Ка Лэ сидел чуть поодаль, так что взрыв только разметал стоявшего у занавеса бандита. На одежде божества осталось всего несколько брызг крови.

Даже меньше, чем на самом Дун Цзине.

Впрочем, он не особо расстроился — глупо было надеяться прикончить сильнейшую аномалию одной бомбой.

Но всё же... пусть убить не вышло, разве не странна такая реакция?

Взрыв прогремел в паре шагов от Ка Лэ. Даже если он принял объяснение про "увертюру праздника", неужели четыре последовательных взрыва не вызвали у него ни единого вопроса?

Может, все влюблённые такие? Или он копит силы для ответного удара — например, свернуть шею при первом же удобном случае, дать почувствовать вкус смерти?

Дун Цзинь небрежно прислонился к роялю и упёр кончик зонта в окровавленный воротник пиджака Ка Лэ:

— Какая жалость, мне так понравился твой костюм.

Со стороны казалось, будто он сокрушается об испорченной одежде, но на деле зонт преграждал путь приближающемуся божеству.

Ка Лэ словно не заметил этого.

Он даже не взглянул на свой воротник — его взгляд скользнул вверх по чёрному древку зонта к рукаву чёрного пиджака Дун Цзиня, насквозь пропитанному алым.

Если на Ка Лэ попало всего несколько капель, то Дун Цзинь словно искупался в крови. О количестве пролитой жидкости красноречиво свидетельствовали насквозь промокший пиджак и наполовину окрашенная рубашка.

Видя, что Ка Лэ замер, не пытаясь ни продолжить движение, ни заговорить, Дун Цзинь вздохнул. Затем поднял руки в знаке капитуляции:

— И даже не разозлился? Как же ты скучен.

Зонт, преграждавший путь Ка Лэ, отодвинулся.

Божество сделало последний шаг вперёд. Остановившись вплотную к Дун Цзиню, он впился в него немигающим золотым взглядом и произнёс слова, похожие одновременно на объяснение и декларацию:

— Я не умею злиться. Как можно злиться на смерть?

— Гибель в погоне за наслаждением — что может быть прекраснее?

Простые слова, но от них по спине Дун Цзиня пробежал холодок.

Он ошибался с самого начала — Ка Лэ вовсе не был ослеплён любовью. С первой минуты он лишь искал чистое, незамутнённое удовольствие.

Эта аномалия походила на мученика, живущего и умирающего ради наслаждения.

Если любовь дарила ему ощущение свободы и счастья, он добровольно отбрасывал рассудок, закрывал глаза на любые странности, становясь самым преданным поклонником во всём этом мире.

Вовсе не глупость — чудовищный, звериный ум.

Такое поклонение первобытным инстинктам пугало куда сильнее обычной слепой влюблённости.

Стоило исчезнуть этому балансирующему на грани наслаждению — и Дун Цзинь не сомневался, что его последний час пройдёт в ту же секунду.

Ведь эта еретическая любовь изначально была обречена на краткость.

Пока они молча вглядывались друг в друга, ошеломлённые взрывами преступники наконец пришли в себя.

Короткий диалог у сцены прояснил им, что виновником происходящего был тот безумец с перевязанными глазами.

Когда жизни угрожает смертельная опасность, не до размышлений об аномалиях. Несмотря на божественную ауру, исходившую от Дун Цзиня, трое бандитов решились выступить вперёд:

— Чего ты добиваешься?!

Дун Цзинь оторвался от гипнотического взгляда Ка Лэ и обернулся к ним с улыбкой:

— Зачем так серьёзно? Я всего лишь пошутил.

Смертельно пошутил.

И после этих удушающих слов добавил с притворным недоумением:

— Так почему же вы не смеётесь?

Серийный убийца впереди группы совершенно потерял голову — выхватил нож и бросился вперёд. Двое приговорённых к смерти за его спиной стиснули зубы и сжали рукояти пистолетов, но пока не целились.

Дун Цзинь легко уклонился от удара и с улыбкой обратился ко всем троим:

— К чему такая ярость? Если шутка вам не по вкусу, я расскажу другую.

— Дайте подумать... А, вот.

— Примерно два года назад мне вздумалось посетить одну планету. Я даже отправил

правителю официальное уведомление о визите.

— Планета находилась довольно далеко, лететь предстояло четыре дня. В первый день путешествия главная новость на той планете гласила... — неторопливый рассказ Дун Цзиня прервали три яростных удара ножом, нарушивших плавное течение его мысли.

Дун Цзинь замер, словно утратив всякое терпение. Плавным движением он поднял зонт и едва заметно коснулся повязки, скрывающей глаз.

В следующий миг тупой с виду наконечник зонта невообразимым движением, под немислимым углом, легко пронзил горло злодея.

— В первый день заголовки новостей гласили: "Монстр из глубин космоса взял курс на Восточные территории", — произнёс Дун Цзинь.

Чёрный зонт вернулся в исходное положение, а хлынувшая из раны кровь превратила его чёрный костюм в нечто ещё более тёмное.

Приговорённый слева, потрясённый увиденным, инстинктивно выстрелил в Дун Цзиня.

Тот, легко уклонившись от пули, с неизменной улыбкой продолжил:

— На второй день моего путешествия я снова открыл новости. Заголовок изменился...

В момент, когда он растягивал последний слог, наконечник зонта уже пронзал сердце стрелявшего.

— Теперь он гласил: "Коварный Король демонов неумолимо приближается".

Третий приговорённый, леденея от ужаса, понимал — выбора нет. Отчаянно выпустив три пули, он не стал смотреть на результат и бросился бежать.

Но как бы быстро он ни мчался, насмешливый голос преследовал его:

— К третьему дню, на середине пути, заголовок снова изменился.

Беглец получил три молниеносных удара: в правую руку, державшую пистолет, в левую ногу и — смертельный — в висок. Перед тем как сознание угасло, он услышал продолжение жуткой шутки:

— Он превратился в "Уважаемый господин Дун Цзинь прибывает".

В последний миг промелькнула мысль: "Кто посмеет не уважать такого безумца?"

Кровь третьей жертвы окропила последний чистый рукав слева, не говоря уже о костюме, с которого до сих пор капало.

Дун Цзинь, при всей своей терпимости к беспорядку, уже не мог выносить липкую влажность пропитанного кровью костюма и жилета. Стягивая верхнюю одежду и стряхивая капли с наконечника зонта, он мысленно проклинал трёх мертвецов за потраченные три минуты жизни.

Не будь необходимости создать образ изящного хищника, он бы не стал тратить драгоценные минуты на предвидение слабых мест противника. С их жалким уровнем и трёх секунд было бы много.

Впрочем, жертва окупилась сполна.

После этой демонстрации гнев в глазах собравшихся сменился первородным ужасом и благоговейным трепетом.

Когда Дун Цзинь, поправляя окровавленные пряди волос, окинул взглядом зал, его встретила мёртвая тишина.

— Викторина с призом, — внезапно оживился он. — На четвёртый день я достиг той планеты. Кто-нибудь знает, каким был заголовок?

Ответ пришёл от До Гэ, давно стоявшего у распахнутых дверей:

— Полагаю, "Приветствуем великого господина Дун Цзиня".

В ответ раздались звонкие аплодисменты. Закончив хлопать, Дун Цзинь медленно повернулся, вновь демонстрируя улыбку, которая должна была преследовать этих подонков в кошмарах до конца их дней:

— Моя шутка окончена. Разве не смешно?

"Кто посмеет не рассмеяться? Иначе что — новый взрыв и новая бойня?"

В беспрецедентном единодушии, стоило словам затихнуть, неестественные, застывшие улыбки появились на лицах всех присутствующих.

Дун Цзинь удовлетворённо кивнул.

До Гэ, подавляя внутреннюю дрожь, направился к нему с докладом о оставшихся бомбах.

В этот момент молчавший всё это время Ка Лэ пришёл в движение.

Мгновение спустя пиджак, пропитанный ароматом крепкого алкоголя, лёг на плечи Дун Цзиня.

Даже не глядя на характерный красно-золотой узор, по одному лишь глубокому, густому запаху выдержанного вина, раскрывающему букет словно только что откупоренная бутылка, можно было определить владельца.

"Я всего лишь похвалил его костюм, а он взял и отдал? Что, боится, что носитель метки аномалии простудится?"

Дун Цзинь даже не стал отказываться — он знал, что с существами, следующими своей природе, любой отказ лишь усилит их упрямство. Вместо этого он обратился к приблизившемуся До Гэ:

— Обезвредь оставшиеся бомбы. В конце концов, я всего лишь пошутил и поздоровался. Не собираюсь забирать ничьи жизни.

Даже у До Гэ, уже прирученного словно пёс, дёрнулся уголок рта. Он сам закладывал бомбы и точно знал их мощность. Доносившиеся снаружи крики красноречиво описывали творившийся в зале кошмар.

Даже самые безумные аномалии не здоровались ценой чужих жизней.

Что до шуток... До Гэ взглянул на три свежих трупа и содрогнулся.

Повезло быть своим — иначе сейчас он мог бы быть либо разорван взрывом, либо проткнут зонтом.

Так или иначе — мёртв.

Пока До Гэ под ненавидящими взглядами направлялся обезвреживать бомбы, он не заметил пристального взгляда Ка Лэ.

Тот безэмоционально скользнул по всё ещё привлекательному лицу под капюшоном и на мгновение задержался на горле.

Очевидно, До Гэ не понимал — иногда даже статус "своего" не гарантирует безопасности.

Более того — именно "свои" находятся в наибольшей опасности.

А обещанным призом в "викторине" вполне могла оказаться его собственная жизнь.

<http://bllate.org/book/13401/1193044>